

В.М. КУДРОВ

Нужно ли ностальгировать по СССР?

В статье дается сопоставительная оценка социально-экономических систем СССР и нынешней России. Первая опиралась на административно-командный механизм и отличалась выраженной неэффективностью, ставшей первопричиной ее исторической несостоятельности. Вторая одновременно использует два механизма регулирования – рыночный и административный, что, снижая ее эффективность, требует реформирования. Тем не менее при всех своих издержках современная российская политико-экономическая система значительно превосходит исторически несостоятельную советскую модель.

Ключевые слова: советская социально-экономическая система, современная российская социально-экономическая система, административный аппарат, директивная экономика, рыночная экономика.

Социальная амнезия – препятствие прогрессу России

Со времени распада СССР прошло почти четверть века, однако в современном российском обществе все еще присутствует ностальгия по советским образам жизни, порядкам, строю, который видится то как “справедливое” государство, то как особое цивилизационное пространство, то как великая сверхдержава. Можно в каком-то смысле говорить о наличии и достаточно благосклонного интереса к этому периоду нашей истории. На недавнее прошлое отчасти возникла мода, которая затронула даже поколения, родившиеся либо на излете советской истории, либо уже в нынешней России. Достаточно бросить беглый взгляд на медиапространство и обнаружить в нем телецикл “Старые песни о главном” или телеканал “Ностальгия”, специализирующийся на демонстрации программ и телефильмов советского периода. Количество “ностальгирующих” интернет-сайтов, не говоря о ресурсах, содержащих призывы к возрождению Советского Союза, трудно подсчитать.

Исследования общественного мнения также показывают, что советское прошлое – не просто ординарный компонент исторической памяти, а структурированный и позитивно окрашенный стереотип. По данным ВЦИОМ, к понятию “советский”, вызывающему у 31% россиян чувство ностальгии, 18% респондентов испытывают гордость и 17% – одобрение. Вдобавок указанное понятие ассоциируется у 14% россиян также и с хорошими и светлыми воспоминаниями, а у 11% – с порядком и уверенностью в завтрашнем дне. Для сравнения, категория “антисоветский” вызывает у 23% респондентов осуждение, а у 22% – безразличие [Советский... 2010]. По данным Левада-Центра, больше 50% россиян считают экономической модель Советского Союза наиболее близкой к идеалу и почти 39% полагают, что и его политическая система была близка к совершенству. Притом количество респондентов, разделявших последнюю позицию

Кудров Валентин Михайлович – доктор экономических наук, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы РАН, ординарный профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3В, Москва, 103873. E-mail: europe@ieras.ru.

с 2012 по 2014 г., увеличилось на 10%. Одновременно на 8 процентных пунктов (до 21%) снизилось число людей, рассматривающих демократии западного типа как образец для подражания [Аналитический... 2014].

Распространено мнение, что ностальгия по советским временам – исключительно российский феномен, отражающий архаичность массового сознания нашего общества и его реакцию на шоковые политико-экономические изменения 1990-х гг. При этом считается, что в государствах бывшего советского блока подобного отношения к недавнему прошлому не наблюдается. Жители этих стран практически не сожалеют о нем – ведь они либо испытали на себе репрессии местных коммунистических диктаторов, а иногда и военное вмешательство со стороны СССР [Абрамов 2012, с. 137]. Однако эмпирические исследования говорят о том, что посткоммунистическая ностальгия в той или иной степени присутствует в большинстве восточноевропейских государств, оказывая влияние на их социальную, политическую, культурную жизнь (см. [Berdahl 1999; Bancroft 2009]). Не случайно в политологическом глоссарии прочно укрепились такие понятия, как “югоностальгия”, “остальгия” и т.п.

Тут стоит отметить, что, во-первых, в восточноевропейских странах ностальгия по недавнему прошлому распространена значительно меньше. А во-вторых, от того, что соседи страдают таким же “недугом”, нам лучше не становится. Весь наш 70-летний эксперимент по строительству социализма как первой фазы коммунизма наглядно и убедительно доказал, что по своей сути – это нежизнеспособная искусственная социально-экономическая система, придуманная К. Марксом как альтернатива нелюбимой им и не принявшей его капиталистической системе.

Но при жизни Маркса, а потом и В. Ленина, она еще не была зрелой: развитой, социальной и демократичной. Все это пришло позже. “Социализм” же, победивший в нашей стране, оказался провальной системой, так как отбросил демократические институты и рыночные механизмы, заменив их тоталитаризмом в виде однопартийной системы, личностным правлением и централизованным планированием. В СССР был создан жесткий сталинский барачно-казарменный порядок, регламентировалось все – от широты мыслей до ширины брюк и длины юбок. Были отброшены демократия и рынок – естественно-природные механизмы достижения социально-экономического прогресса, это сердце и легкие нормального природного организма. Их заменили политическая диктатура и централизованное планирование – нерыночные, искусственные, командно-административные механизмы, свойственные армии и флоту, но не экономике. Поэтому уже изначально многим интеллектуалам конца XIX–начала XX в. было ясно, что это путь в исторический тупик. Не случайно страны Европы, где и родилось марксистское учение, его не приняли, а пошедшая по этому пути наша страна в результате ныне оказалась позади главных стран мира, даже по объему ВВП постепенно опустившись на восьмое место [Gross... 2014, p. 1].

Царская Россия в начале XX столетия занимала по этому показателю четвертое–пятое место в мире; Советский Союз после Второй мировой войны и до начала 1980-х гг. – второе место, уступая только США. Но это было лишь результатом гипертрофированного развития военно-промышленного комплекса, который по своим масштабам и расходам был сравним с американским. При этом в СССР яркими красками гримировалась обычная жизнь, гражданское производство и иная деятельность.

По объему производства продукции гражданского назначения СССР отставал от США в четыре–пять раз, а в расчете на душу населения – намного больше. Всеобщий дефицит продуктов и услуг был огромен. Страна работала не на себя, а на власть, на систему, на имидж ее величия и силы. Искусственно созданная после войны мировая социалистическая система преследовала те же цели. Но именно ее развал постепенно привел к развалу и СССР. Социализм как система себя не оправдал.

Нельзя забывать, хотя ныне стало модно умалчивать и о репрессиях, которые были органично присущи советскому строю. По самым скромным расчетам, подтверждаемым хранящимися в архивах приговорами НКВД, в период сталинщины жертвами

прямых политических репрессий¹ стало порядка 4 млн человек, из которых 1,4 млн погибло в тюрьмах, этапах и концлагерях [Все... 2003]. К этому надо добавить раскулачивание и насильственное переселение многих народов, тотальную слежку, осуждение и расстрел советских военнопленных. При оценке системы это также необходимо учитывать, и не ограничиваться только рассуждениями о достижениях советской культуры, литературы, музыки и т.д., притом как бы забывая об их идеологической целенаправленности. Для сравнения, в Германии нельзя хвалить фашистский режим, перечисляя его достижения в области культуры, строительства дорог, дешевого жилья. Преступность самого строя перевешивает явные прорывы в культурной и интеллектуальной сферах.

Но главное, Россия должна, наконец, четко обозначить свой стратегический путь к современному зрелому обществу, эффективной и конкурентоспособной экономике, к демократизации своего общественного строя. Пока же его подлинно демократическим не назовешь. К сожалению, у нас, в отличие от развитых демократий, не сформирована группа или даже некий слой политиков, из которых граждане сами могли выбирать нужного им кандидата из значительного числа потенциальных претендентов. И первопричиной всего этого выступает перманентная социально-политическая и историко-культурная амнезия, выражающаяся, в том числе, и в постоянном явном и подспудном апеллировании к советскому наследию.

Нашей национальной идеей должно быть движение не назад, в “социализм”, а только вперед, в зрелую рыночную экономику и реальный, а не фиктивный, демократический строй. Конечно, в конце концов так и будет. Но важно ускорить этот процесс, не откладывая его на неопределенный долгий срок. А это требует разработки долгосрочной стратегии экономического и политического развития.

К сожалению, значительная часть нашего общества, в том числе и молодежь, этого не осознает. Но чтобы правильно оценивать себя и прогнозировать свое будущее, чтобы, наконец, построить эффективную экономику и политически зрелое современное демократическое общество, мы должны до конца пройти путь честного осмысления нашего советского прошлого, открыть глаза на трагические периоды его истории. Адекватная оценка прошлого прокладывает дорогу к будущему. Немцы так поступили еще после поражения во Второй мировой войне. Мы же пересматривать многое в своем непростом прошлом не хотим, понимая и чувствуя, что отречься от социализма и сталинизма – значит переломить себя. Субъективно сделать это трудно, но необходимо.

Советская модель: часто замалчиваемые реалии

“Социализм”, искусственно созданный в нашей стране, по существу был военной моделью, выросшей не только из марксистско-ленинской “теории” (точнее, идеологии), но и из практического большевистского опыта, приобретенного в Гражданской войне. Это была модель государственного планового производства и распределения продукции в натуральном выражении. Потребительские продукты оценивались и распределялись в денежной форме, но цены при этом были искусственными, фиксированными государственным аппаратом. Такая “социалистическая” модель государственного производства и распределения продукции (включая услуги) создается и в странах с рыночной капиталистической экономикой, но только в военное лихолетье. Так было, например, в периоды Первой и Второй мировых войн, а также частично и в рамках военно-промышленного комплекса (ВПК) – американской войны во Вьетнаме.

Советский Союз с помощью мощного государственного административного мотора, и прежде всего за счет формирования производства военной продукции и создания огромного, в ряде направлений и секторов превосходящего ВПК США, вышел на вто-

¹ Имеются в виду люди, осужденные по статье 58 УК СССР (контрреволюционная деятельность и другие тяжкие преступления против государства).

рое место в мире. Реальная доля военных расходов в советском ВВП тщательно скрывалась посредством замалчивания, засекречивания и манипуляций с соответствующей информацией, составляя, по официальным данным, всего лишь порядка 4%. Подлинный же объем затрат на оборону рассчитать трудно. Сошлюсь здесь на воспоминания академика Ю. Рыжова – одного из организаторов Межрегиональной депутатской группы, бывшего в 1989–1991 гг. членом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР и главой Временной комиссии ВС по разработке концепции национальной безопасности: «Официально нам внушали, что наш военный бюджет где-то меньше 20 миллиардов рублей, скажем, с 90 года условно или с 89-го. Это было смешно, потому что нельзя было содержать пятимиллионную армию с огромным количеством вооружения на эти деньги. А какой-то генерал в “Правде” опубликовал заметку, в которой шла речь о том, что мы не можем Прибалтику отпустить, потому что в Прибалтийском военном округе имущества военного на столько-то миллиардов рублей. А я помнил из специальной литературы, что военный бюджет соотносится со стоимостью военного имущества страны с коэффициентом 4–6. Я знал количество округов. Они, конечно, разные. В одном округе больше, в другом меньше военного имущества. Я умножил цену военного имущества Прибалтики на количество округов и разделил на пять. Получил 300 миллиардов рублей ... Меня потом премьер-министр Рыжков спрашивал, мол, откуда взялась эта цифра. Мол, мы и сами его не знаем, поскольку он у нас весь раскидан по разным статьям». Как оказалось, в итоге эти расчеты совпадали с расчетами западных специалистов [Рыжов 2002].

Долгий процесс милитаризации советской экономики происходил за счет личного потребления, жизненного уровня народа. К этому следует добавить обилие космических программ и расходов на них. Приходится признать, что в бывшем СССР жизненный уровень народа, его благосостояние и благополучие отнюдь не стояли на первом месте в планах и программах развития страны. Сейчас многие забыли или не хотят вспомнить, что на большей части территории Советского Союза существовал дефицит самых необходимых продуктов. При этом для привилегированных слоев были созданы особые точки розничной торговли – закрытые распределители дефицитных товаров. Иными словами, главный вектор советской экономики и всего общества и по плану, и по “решениям партии и правительства” был направлен не на потребности населения, а на наращивание военной мощи страны. При этом считалось, что жизненный уровень народа, реальные нужды обычных людей – второстепенный вопрос. Тогда как победа революции в какой-нибудь другой стране, где-нибудь в далекой Африке, – более важная задача. Считалось, что народ все понимает и все стерпит, что, в принципе, и было.

Несмотря на масштабную и бездумную официальную пропаганду якобы высокоценностных целей социализма по повышению жизненного уровня населения, на деле интересы граждан находились за спиной интересов политики и ВПК СССР. Разрыв между СССР и США по жизненному уровню населения даже в послевоенный период был не меньше, чем в 1913 г., а вот разрыв по военному производству и производству средств производства (машин, оборудования, хозяйственных построек и сырья и пр.) не только резко сократился, но по ряду позиций и вовсе исчез. СССР даже превосходил США по производству металлообрабатывающих станков, чугуна, стали и целого ряда других важных промышленных продуктов, но только не продуктов для населения [Калибеков 2015].

Резкое отставание СССР от развитых капиталистических стран по жизненному уровню населения было тесно связано с провалом его аграрного сектора в результате насильственной и преступной коллективизации. Последствия этого чудовищного эксперимента наша страна весьма остро ощущает и терпит до сих пор. Ведь более половины потребляемого у нас сегодня продовольствия приходится на импорт. Ничего подобного не было в царской России до Октябрьского переворота 1917 г.

В советские годы было принято говорить не только о “производстве по валу” (о миллионах тонн, метров, литров и т.д. той или иной продукции), но и о производитель-

ности труда, в связи с чем обычно приводились высказывания Ленина о том, насколько она важна для развития советской экономики и общества. Но всегда было ясно, что, приближаясь к США по отдельным видам выпуска промышленной продукции, мы оставались далеки от них по уровню производительности труда. А уж об уровне факторной производительности – производительности труда и капитала говорить вообще не приходится. Несмотря на рост производительности труда, фондоотдача в советской экономике постоянно снижалась, объем основных фондов увеличивался быстрее национального дохода. И это несмотря на обычные приписки и сознательное преувеличение темпов роста национального дохода советской статистикой.

Примитивная плановая ориентация вела к тому, что в условиях нерыночной экономики говорить об инновациях просто не было смысла. Инновации рождаются только в условиях конкурентного соревнования и других рыночных стимулов и механизмов. Наша конкуренция с США была только в сфере ВПК. Более того, она поддерживалась и стимулировалась государством, которое заключало специальные закрытые контракты с производственными объектами, побуждая их соревноваться друг с другом. Но это был всего лишь искусственный внешний стимул в закрытой среде. Внутреннего же стимула не было и быть не могло при отсутствии частной собственности и открытой конкурентной борьбы. При этом руководство советского государства все же прагматично понимало, что без конкуренции реального продвижения по пути научно-технического прогресса быть не может. И такое продвижение имело место в особой закрытой среде ВПК, где создавались условия для конкуренции за ресурсы для нескольких конструкторских бюро. Однако научно-технические достижения в этой сфере почти не распространялись на гражданское производство, они просто были закрыты и засекречены.

Отсутствие рыночной и предпринимательской среды изначально загоняло советскую экономику в исторический тупик. Инновации поначалу в советские времена вообще не включались в план, да и само это название не было в ходу. Был термин “научно-технический прогресс”, и этот фактор стал учитываться в планах только в последние годы существования СССР, да и то формально. На деле оказалось, что любые искусственные показатели по ускорению научно-технического прогресса практически ничего не меняют. Ведь это всего лишь внешний стимул к необходимому развитию. Более важен внутренний импульс, а его не было и быть не могло при отсутствии зрелых рыночных отношений и нормальной предпринимательской среды. А без нее всегда возникали, с одной стороны, избытки продукции, не пользующейся спросом, а с другой – дефицит. Реальной же сбалансированности между спросом и предложением, декларируемой как преимущество плановой экономики перед рыночной, так и не было достигнуто.

Тогда возникает вопрос: а как повышать эффективность народного хозяйства без масштабного и неограниченного научно-технического прогресса? Ответ очевиден – никак. Эффективность производства в СССР была низкой, значительно уступая странам со зрелой рыночной экономикой. Это определяло малую конкурентоспособность производимой продукции, реализация которой была проблематичной. Некоторых ее видов у нас производилось больше, чем в США: например, в 1990 г. СССР произвел 157 тыс. станков и 495 тыс. тракторов (Соединенные Штаты, соответственно, 105 тыс. и 106 тыс.), но спрос на них был разве что в отдельных африканских странах “социалистической ориентации”. А большинство марок стиральных машин, которых в том же году изготовили в количестве 7,8 млн штук (в США только 5,7 млн) нельзя было продать даже на внутреннем рынке [Калибеков 2015]. И хотя по причине закрытости статистики наша страна в то время не включалась в рейтинги конкурентоспособности государств мира, было очевидно, что Советский Союз по структурным (ВВП на душу населения, продолжительность и качество жизни, структура экспорта /импорта, производительность труда) и качественным показателям фактически занимал промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами.

СССР пытался укрепить свою мощь и конкурентоспособность своей экономики с помощью созданной им мировой социалистической системы, однако и она была неэффективна и нежизнеспособна. Неудивительно, что в июне 1953 г., почти сразу после смерти И. Сталина, в ГДР произошли серьезные массовые волнения, которые были подавлены советскими войсками, находящимися на территории этой страны. Советские войска использовались для “наведения порядка” и в 1956 г. в Венгрии, и в 1968 г. в Чехословакии.

Мировая социалистическая система, несмотря на идеологическую и пропагандистскую лакировку, на деле трещала по швам. В Восточной Европе социализм однозначно не воспринимался, особенно в Польше (намного в меньшей степени в Болгарии), где не проводилась коллективизация в сельском хозяйстве, развивалась розничная частная торговля и ментально в общественном сознании росли антисоветские настроения, аналитические суждения и выводы. И хотя поляки не пошли на массовые и вооруженные уличные выступления против социализма, они четко выразили свое несогласие с ним.

Именно развал мировой системы социализма и стал одной из важнейших причин распада СССР. Сказать, что он прекратил свое существование неожиданно – неверно. На деле развал советского пространства и его социализма готовился и вызревал давно, начиная с хрущевских времен. Социализм тоталитарного типа был тверд и силен только в военном отношении. С точки зрения эффективности экономики и внутреннего устройства он изначально был провальным.

Современная жизнь страны: проблемы и не только

Сегодня Россия выглядит довольно скромно на мировой арене, занимая лишь шестое место по объему ВВП, демонстрируя сырьевую, неэффективную и неинновационную экономику, а также авторитарную политическую систему со слабым развитием демократических институтов. Наша экономика по-прежнему малоэффективна и неконкурентоспособна по сравнению со странами ОЭСР. В рейтинге Всемирного экономического форума Россия по своей конкурентоспособности сейчас занимает 64-е место в мире, при этом некоторые эксперты надеются, что к 2030 г. она займет 30-е место. Конечно, надеяться можно на все, что угодно, но реалии нашей жизни свидетельствуют о том, что Россия не котируется в мире как продвинутая и конкурентоспособная страна. Что же касается показателя инновационной активности, то, по данным за 2012–2013 гг., мы занимаем всего лишь 108-е место в мире, уступая не только всем развитым странам, но и Китаю (34 место) и Индии (43 место). Доля нашей страны в мировых затратах на НИОКР – всего лишь 2%, в то время, как доля США – 32%, Китая и Японии – по 12%, Германии – 7% [*Селихов 2013, с. 26, 28*].

Доля затрат на НИОКР в ВВП составила в США – 2,8%, Китае – 1,8%, Великобритании – 1,7%, в Швеции и Японии – по 3,3%, Южной Корее – 4,0%, а в России – лишь 1,1%. Численность исследовательского персонала в США достигла 1413 тыс. человек, Китае – 1318 тыс., Японии – 657 тыс., а в России – 443 тыс. человек [*Панищева, Масляненко 2013, с. 56*]. Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме выпуска товаров и услуг в нашей стране в 2011 г. составил 4,7%, в то время как в 2010 г. он был равен 3,4%, а в 2009 г. – 4,3%. Удельный вес инновационных товаров и услуг в общем выпуске в 2011 г. был равен 12,5%, что на 3,6% больше, чем годом ранее [*Политика... 2014, с. 5*]. По численности занятых в сфере научных исследований (735,3 тыс. человек) мы занимаем четвертое место в мире, уступая США, Китаю и Японии. Но участие бизнеса в финансировании НИОКР в России пока еще очень низкое. Две трети этих расходов у нас приходится на государство, тогда как в развитых капиталистических странах намного ниже. Там основную роль в финансировании таких затрат уже давно берет на себя бизнес.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, у нас составляет 8,9%, в то время как в Германии – 63,8%, Финляндии – 46,8%, Италии –

40,1%, Франции – 35,0%, Чехии – 39,3%, Болгарии – 23,9%, Венгрии – 20,8%. Удельный вес организаций, получающих бюджетное финансирование на научные исследования, в России лишь 1,8%, в то время как в Австрии – 17,2%, Финляндии – 16,3%, Чехии – 6,75%, Польше – 3,5% [Индикаторы... 2013^a, с. 448, 450]. Российский экспорт инновационных и коммуникационных технологий составил в 2009 г. всего 0,9 млрд долл., в то время как в Китае – 356,3 млрд, в США – 113,2 млрд, в Японии – 70,2 млрд, Чехии – 16,3 млрд, Польше – 9,5 млрд [Индикаторы... 2013^b, с. 290]. Доля затрат на фундаментальные исследования в общих расходах на НИОКР в России – 18,8%, в США практически столько же, а в Словакии – 43,1%, Румынии – 42,1% [Индикаторы... 2013^c, с. 357].

Но дело даже не в сравнении этих официальных цифр, а в том, что у нас в значительной мере разрушена научная среда. Она еще с советских времен оказалась оторванной от гражданской экономики, реального производственного процесса в стране. В свою очередь, возникший в результате реформ бизнес в производственной сфере оказался не готовым к широкому и надежному сотрудничеству с наукой, считая, что свою прибыль он получит и без ученых, то есть без расходов на НИОКР.

Это очень опасная тенденция, которая давно должна была быть преодолена профессиональным государственным вмешательством. Чего, к сожалению, не случилось. Вместо этого отдельные государственные чиновники заговорили о целесообразности не поддерживать и не развивать российскую науку, ставшую якобы банкротом, и даже закрыть Российскую академию наук (РАН). Такое направление крайне опасно для будущего страны. Главное, чем должны заняться эти чиновники, – возродить отраслевые научно-исследовательские институты, создать систему органичной, рыночной связи между бизнесом и наукой, разработать и реализовать подлинную реформу РАН.

Без союза науки и бизнеса невозможно повысить эффективность производства. Ибо весь мировой опыт наглядно показывает массу примеров органичного соединения науки и бизнеса, образования отраслевых и межотраслевых научно-производственных комплексов (НПК). Накопленные в этой сфере позитивные наработки США и Японии были бы востребованы. Речь не идет об их механическом копировании, но о создании целой системы российских НПК на собственной основе с учетом опыта других стран. Без этого невозможно повысить и конкурентоспособность производства, и самого бизнеса. Конкурентоспособность сегодня стала чуть ли не главным параметром при оценке эффективности производства – как на заводском, так и отраслевом и национальном уровнях. Поэтому нужны государственные программы повышения конкурентоспособности и эффективности конкретных производств (на основе внедрения современных НИОКР). Ведь в развитых капиталистических странах со зрелой рыночной экономикой даже при снижении объемов производства в период неизбежных циклических кризисов бизнес уделяет особое внимание инновациям, изобретениям, созданию новых товаров и услуг, способных в короткие сроки заменить уходящие устаревшие продукты, теряющие спрос. А это не только массовые потребительские изделия, но и машины, оборудование, строительные объекты, транспортная и торговая сферы.

По большому счету, в условиях научно-технической революции (НТР) не нужны высокие темпы экономического роста в цифровом количественном выражении. Нужны не 10% годового прироста обычного по своему содержанию ВВП, а всего лишь 2%, если львиная доля этого прироста приходится на принципиально новые и обновленные продукты. Вот это и есть реальная НТР, базирующаяся на инновациях. Если же у страны, при высоких темпах наращивания общего выпуска продукции практически нет инноваций, то это всего лишь экономический рост, а не развитие экономики. Тут скорее застой, а не прогресс.

Но эффективность российской экономики определяется не только конкурентоспособностью, а и целым рядом других важных параметров. Среди них обратим внимание на ее структуру. В отраслевой структуре российского ВВП на долю промышленности приходится всего 20%, строительства – 7%, а на долю сферы услуг – почти 70%.

В этом нет ничего удивительного. Во всех индустриальных странах доля промышленности в ВВП намного меньше доли сферы услуг. Другое дело – отраслевая структура самого промышленного производства. Здесь доля добывающей промышленности у нас составляет 23,5%, обрабатывающей – 66%, а производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 10,5% [Россия... 2013, с. 240].

Внутри промышленного производства России сейчас очень мала доля машиностроения – менее 3%, а доля машиностроения, химической промышленности и электроэнергетики в совокупности равна 18%. Все это говорит об уродливости и неэффективности отраслевой структуры нашей промышленности. А если брать товарную структуру российского экспорта, то там доля сырья еще более уродливо преобладает (70%). Как и в советские времена, когда в отраслевой структуре экономики и промышленности преобладали доли сырьевой добычи и ВПК, сегодня в России мы наблюдаем те же парадоксы, а сокращение доли машиностроения – это не только нонсенс, но и провал нашей экономики.

Серьезная проблема – соотношение между бизнесом и государством в экономике. При Б. Ельцине в результате его довольно крутых, но необходимых реформ доля государства в национальном производстве сократилась до 30% (в СССР она была близка к 100%). За последние 14 лет доля государства в ВВП возросла до 50%, и вопреки призывам В. Путина к ее сокращению этот процесс пока явно не просматривается. Получается, что сейчас Россия как бы находится между социализмом и капитализмом. Сколько времени это будет продолжаться, а главное, почему у нас нет стратегии продолжения давно начатых, но далеко не законченных рыночных и демократических реформ – вопросы риторические. Такое долгое сидение между двумя стульями очень опасно. Нужен выбор, естественно, в пользу создания современной конкурентоспособной рыночной экономики.

В ближайшие пять–семь лет нас ожидают среднегодовые темпы прироста ВВП на уровне примерно 1,5–1,8%, хотя не так давно эти показатели планировались на уровне 5–6%. Следовательно, необходимо сделать все, чтобы повысить качество темпов экономического роста, более того – превратить его в развитие, содержащее в себе значительную долю научно-технического прогресса, обновить страну, сделать ее не менее конкурентоспособной, чем самые развитые страны.

Итак, сегодня у нас полно текущих, издавна нерешенных проблем, которыми надо заняться срочно, по-деловому и масштабно. Во-первых, необходимо, наконец-то, открыто и четко определиться вектором нашего развития. Или мы идем назад, к “реальному социализму”, или вперед к “зрелому” капитализму – постиндустриальному обществу, которое давно сложилось в странах совокупного Запада. У руководства страны такого четко однозначного ориентира пока нет.

Во-вторых, пора покончить с авторитарным режимом и авторитарной формой правления и дать дорогу широкому развитию демократии, появлению новых и более продвинутых политиков и профессионалов на высоких уровнях руководства страны.

В-третьих, нужно дать значительно больший простор и масштаб развитию и присутствию частного бизнеса в отечественной экономике, доведя долю государства в рыночной среде до разумного оптимума. Только создав зрелую рыночную экономику, Россия может укрепить свое влияние в мире. Главное, чтобы это влияние было положительным, а не отрицательным, признаки и черты которого видны и до сих пор.

В-четвертых, укрепляя и расширяя предпринимательскую среду, надо уделить особое внимание созданию инновационной экономической модели. Сделанные в этом направлении шаги явно не достаточны. Россия, по существу, не проявила заинтересованности в создании такой модели, и если эта ситуация будет продолжаться, мы не выйдем из уже давно сложившегося у нас системного кризиса.

В-пятых, необходимо программно и масштабно повышать жизненный уровень. Он позорно низок, и акцент стал делаться (как и в советские времена) на развитие ВПК, форсирование военных расходов, а не на качество жизни населения. Для его повыше-

ния необходимо иметь специальную государственную программу и соответствующую ей политику, чего, к сожалению, до сих пор нет.

В-шестых, требуется реформа государственного управления, включающая повышение автономности и самостоятельности региональных и местных органов в принятии решений в рамках своей компетенции, независимо от федерального Центра. Нужна конкуренция региональных органов и прежде всего в сферах эффективности производства и экспорта производимой продукции, а также в жизненном уровне населения. Федеральные же органы должны поощрять и поддерживать соответствующие региональные начинания.

В-седьмых, необходимо проводить решительную и комплексную политику по преодолению давно сформировавшейся в нашей стране структурной слабости экономики. Речь идет в первую очередь о чрезмерной доле сырьевого сектора в нашем промышленном производстве. Низкая эффективность производства, его очевидная структурная слабость – давние болезни нашей экономики. Наконец, в-восьмых, нужно всерьез заняться преодолением чрезмерного оттока капитала из нашей страны, причем на основе не административных ограничений, а стимулированием инвестиций. В 2014 г. чистый отток капитала из России составил 151,5 млрд долл. [Отток... 2015], в этом году, по прогнозу Минэкономразвития, ожидается на уровне 115 млрд долл. [Отток... 2015]. Все это подрывает инвестиционный процесс в нашей экономике, негативно влияет на экономический рост.

Конечно, анализ негативных факторов в развитии нашей экономики можно продолжать, но главное заключается в том, чтобы иметь четкие программы избавления от них, а также программы масштабных преобразований в рамках современных рыночных механизмов, ускорения научно-технического прогресса и повышения уровня жизни. Ностальгировать же о Советском Союзе сегодня просто смешно: мы уже, несмотря на изложенные проблемы, уже совсем другая страна и проблемы у нас иные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический центр Ю. Левады. Россиян потянуло в СССР (2014) (<http://www.levada.ru/27-02-2014/rossiyan-potyannulo-v-sssr>).

Абрамов Р.Н. (2012) Социокультурные аспекты постсоветской ностальгии в странах бывшей Югославии (размышление над работами М. Великоньи и Т. Петрович) // Общественные науки и современность. № 2. С. 136–143.

Все жертвы Сталина // Демоскоп-Weekly (2003) № 103–104, 3–16 марта (<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit01.php>).

Индикаторы инновационной деятельности: 2013. Статистический сборник (2013^а). Москва: Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”.

Индикаторы информационного общества: 2013. Статистический сборник (2013^б). Москва: Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”.

Индикаторы науки: 2013. Статистический сборник (2013^с). Москва: Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”.

Калабеков И.Г. (2015) СССР и страны мира в цифрах (<http://su90.ru/>).

Минэкономразвития повысило прогноз по оттоку капитала из России в 2015 г. до \$115 млрд (2015) (<http://www.forbes.ru/news/279159-minekonomrazvitiya-povysilo-prognoz-po-ottoku-kapitala-iz-v-rossii-v-2015-godu-do-115-ml>).

Отток капитала из России в 2014 г. достиг рекордного уровня за последние 20 лет (2015) (<http://bankir.ru/novosti/s/ottok-kapitala-iz-rossii-v-2014-godu-dostig-rekordnogo-urovnya-zapovednye-20-let-10096795/#ixzz3Z5fzJGaY>).

Панищева Н.И., Масляненко А.П. (2013) Возможности официальной статистики в оценке вклада науки в экономику страны // Вопросы статистики. № 12. С. 55–61.

Политика перехода к эффективной экономике (2014) // Экономист. № 1. С. 3–31.

Россия в цифрах 2013. Краткий статистический сборник (2013). Москва: Росстат.

Рыжов Ю. (2002) В поисках военного бюджета СССР // Отечественные записки. № 8 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_22.html).

Селихов Д. (2013) КНР в мировом инновационном развитии // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 21–28.

“Советский” и “антисоветский”: что такое хорошо и что такое плохо? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1421 (2010) (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13124>).

Bancroft C. (2009) Yugonostalgia: the Pain of the Present // ISP Collection. Paper no 787 (http://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/787).

Berdahl D. (1999) “(N)Östalgic” for the Present: Memory, Longing and East German Things // *Ethnos: Journal of Anthropology*. Vol. 64, no. 1, pp. 192–211.

Gross domestic product, 2013. World Development Indicators database, World Bank (2014). December 16, pp. 1–4 (<http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>).

Do We Need Nostalgia for the Soviet Union?

V. KUDROV *

* **Kudrov Valentin** – doctor of sciences (Economics), director of the Center for International Economic Comparisons of the Institute of Europe RAS, Tenured Professor of the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 11, bld. 3V, Mohovaya st., Moscow, 103873, Russian Federation. E-mail: europe@ieras.ru.

Abstract

The article provides a comparative assessment of the socio-economic system of the USSR and today’s Russia. The first was based on the administrative-command fur-ism and different severe inefficiencies, which became the primary cause of its historical failure; while the second is based on two mechanisms – the market and administrative, which reduces its effectiveness needs to be reformed. Nevertheless, for all its costs modern Russian political and economic system far exceeds the historically bankrupt the Soviet model.

Keywords: Soviet socio-economic system, inefficient, historically insolvent choice, administrative staff, modern Russian reality.

REFERENCES

Abramov R.N. (2012) Sociokul’turnye aspekty postsovetsoj no-stal’gii v stranah byvshej Yugoslavii (razmyshlenie nad rabotami M. Velikon’i i T. Petrovich) [Social and cultural aspects of the post-Soviet nostalgia in the former Yugoslavia (reflecting on the work of M. Velikonja and T. Petrovich)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 2, pp. 136–143.

Analiticheskij centr Y. Levady. Rossiyan potyanulo v SSSR [Levada Analytical Center. Russians are pulled to the USSR] (2014) (<http://www.levada.ru/27-02-2014/rossiyan-potyanulo-v-sssr>).

Bancroft C. (2009) Yugonostalgia: the Pain of the Present. *ISP Collection*. Paper no. 787 (http://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/787).

Berdahl D. (1999) “(N)Östalgic” for the Present: Memory, Longing, and East German Things. *Ethnos: Journal of Anthropology*, vol. 64, no. 1, pp. 192–211.

Gross domestic product, 2013. World Development Indicators database, World Bank (2014). December 16, pp. 1–4 (<http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>).

Indikatory innovacionnoj deyatel’nosti: 2013. Statisticheskij sbornik [Indicators of innovation activity: 2013 Statistical Yearbook] (2013^a). Moskva: Nacional’nyj issledovatel’skij universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki”.

Indikatory informacionnogo obshchestva: 2013. Statisticheskij sbornik [Indicators of the Information Society: 2013 Statistical Yearbook] (2013^b). Moskva: Nacional’nyj issledovatel’skij universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki”.

Indikatory nauki: 2013. Statisticheskij sbornik [Indicators of science: 2013 Statistical Yearbook] (2013^c). Moskva: Nacional’nyj issledovatel’skij universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki”.

Kalabekov I.G. (2015) *SSSR i strany mira v cifrah* [The USSR and the countries of the World in figures] (<http://su90.ru/>).

Minekonomrazvitiya povysilo prognoz po ottoku kapitala iz Rossii v 2015 g. do \$115 mlrd (2015) [Ministry of Economic Development raised its forecast for the capital outflow from Russia in 2015 to \$115 billion] (<http://www.forbes.ru/news/279159-minekonomrazvitiya-povysilo-prognoz-po-ottoku-kapitala-iz-v-rossii-v-2015-godu-do-115-ml>).

Ottok kapitala iz Rossii v 2014 g. dostig rekordnogo urovnya za poslednie 20 let (2015) [The outflow of capital from Russia in 2014 reached a record level in the past 20 years] (<http://bankir.ru/novosti/s/ottok-kapitala-iz-rossii-v-2014-godu-dostig-rekordnogo-urovnya-za-poslednie-20-let-10096795/#ixzz3Z5fzJGaY>).

Panishcheva N.I., Maslyanenko A.P. (2013) Vozmozhnosti oficial'noj statistiki v ocenke vklada nauki v ehkonomiku strany [Official statistics possibilities in assessing the contribution of science to the economy]. *Voprosy statistiki*, no. 12, pp. 55–61.

Politika perekhoda k ehfektivnoj ehkonomike [Policy of transition to an efficient economy] (2014). *Ekonomist*, no. 1, pp. 3–31.

Rossiya v cifrah 2013. Kratkij statisticheskij sbornik [Russia in Figures 2013. Short statistical compilation] (2013). Moskva: Rosstat.

Ryzhov Y. (2002) V poiskah voennogo byudzheta SSSR [In search of the USSR military budget]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_22.html).

Selihov D. (2013) KNR v mirovom innovacionnom razvitii [China in the global innovation development]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 11, pp. 21–28.

“Sovetskij” i “antisovetskij”: chto takoe horosho i chto takoe ploho? [“Soviet” and “anti-Soviet”: what is good and what is bad? VTSIOM. Press-release № 1421]. VCIOM. Press-vypusk no. 1421 (2010) (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13124>).

Vse zhertvy Stalina [All the victims of Stalin]. *Demoskop-Weekly* (2003), no. 103–104, 3–16 marta (<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit01.php>).

© В. Кудров, 2015